

Часть IV.

Превратности свободы

г. Красноярск, Физико-математический факультет КГПИ, 1978 г.

Глава 22. Енисейский педагогический (1956-60)

Первого сентября 1956 года началась моя работа в Енисейском педагогическом институте.

Двухэтажное, сложенное из красного кирпича здание. Высокие, просторные, светлые аудитории и печное отопление. Парадная дверь заколочена, вход со двора через небольшую дверь, у которой по утрам толпятся студенты, стремящиеся попасть в аудитории раньше преподавателей. Похоже, что посещаемость в институте находится под жёстким контролем. Небольшой дворик, спортивная площадка, у входа на которую две обычные в таких случаях скульптуры: спортсмен с веслом и спортсменка с ракеткой. До революции в этом корпусе находилась женская гимназия, в которой, как утверждали старожилы, обучалось всего семнадцать гимназисток. В 1940 году здесь открыли учительский институт, который окончили многие учителя Енисейска и Енисейского района. В 1954 году его преобразовали в педагогический институт.

Был он совсем небольшим и очень провинциальным. Всего

г. Енисейск. Главный корпус ЕГПИ.

два факультета: физико-математический и русского языка и литературы; шесть кафедр и около пятисот студентов. Педагогический коллектив укомплектован преподавателями трёх, ликвидированных к тому времени, учительских институтов: Енисейского, Ачин-

ского и Колпашевского, что в ряде случаев являлось причиной возникающих в коллективе конфликтов.

Директором института в первые годы моей работы в институте был Иван Агапеевич Киселев – кандидат исторических наук, доцент, проректором по учебной и научной работе – кандидат педагогических наук, доцент Вшивцев Николай Дмитриевич. Деканом физико-математического факультета Константин Архипович Патюков. Кафедрой математики заведовал Василий Иванович Яцеев, который в конце пятьдесят шестого находился в Томске, где защищал кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством Юрия Борисовича Румера.

Хотя оформлен был я ассистентом, но поручили мне лекционные курсы, в частности, курс проективной и начертательной геометрии. Начался учебный год, как это было принято в то время, с поездки в колхоз, насколько помнится, в Казачинский район. Ездил я со студентами третьего курса, для которых эта поездка была далеко не первой, так что забот у меня было существенно меньше, чем обычно.

Вернулась наша группа только к середине октября, уже по снегу, и сразу начались занятия. Этот первый год работы в вузе потребовал от меня больших усилий. Хотя в своё время экзамен по проективной геометрии я сдал на отлично, но этого, как и следовало ожидать, оказалось недостаточно. Пришлось заново штудировать учебники Н.Ф. Четверухина и Н.В. Ефимова. Больше всего проблем было с практическими занятиями. В Енисейске по этому курсу не было ни одного задачника, и задачи приходилось составлять самому, а они получались то очень простыми, то очень сложными.

Положение осложнялось тем, что работу в институте я совмещал с работой в школе, продолжая заниматься со своим любимым десятым «в». Наконец, много времени отнимала подготовка к экзаменам кандидатского минимума по иностранному языку и философии, которые я сдал уже на втором году работы в институте. И всё это при хронической нехватке денег. Ставка ассистента и в те годы была низкой, и я получал меньше чем в школе. Денег не хватало даже на еду и лекарства, не говоря уже об одежде. Но все эти трудности были временными. Сначала, в пятьдесят седьмом году, узнав, что Нина хорошо печатает, её приняли в институт секретарём-машинисткой, а через год, в пятьдесят восьмом, меня перевели на должность старшего преподавателя.

Студенческие общежития и дома преподавателей располагались в пяти минутах ходьбы от учебного корпуса института. Все

вместе они образовывали своеобразный институтский городок в самом центре Енисейска. Многие преподаватели дружили семьями. Практически каждую неделю в актовом зале института проводились тематические вечера и концерты, уровень которых, благодаря усилиям известного концертмейстера и пианиста Анания Шварцбурга, отбывавшего ссылку в Енисейске, был очень высок. Эти вечера вместе со студентами посещали преподаватели и их дети, а также некоторые представители ссыльной интеллигенции. После концерта – обязательные танцы. Во всех подобных мероприятиях активное участие принимал Иван Агапеевич. Обычно к концу вечера он брался за баян и вместе со студентами и преподавателями лихо отплясывал русскую и цыганочку. Приходившая со мною Нина часто плясала вместе с ним.

На втором году работы в институте мне предоставили двухкомнатную квартиру в двухэтажном перестроенном из купеческого склада кирпичном доме. В нём было десять квартир, и во всех жили преподаватели института. Выделенная мне квартира оказалась очень сырой и дети, особенно Рома и Наташа, часто болели. Поговаривали, что в этом крыле бывшего склада в своё время хранилась соль. Чтобы избавиться от сырости, я, выбрав землю с двух сторон от фундамента и углубившись почти на полтора метра, засыпал образовавшуюся траншею сухим песком и галькой. Однако это не помогло. Неизвестно откуда берущаяся влага ручейками стекала на пол, а Наташа с Ромой по ночам отчаянно кашляли. Никакие лекарства не помогали. Флюорография, и рентген ничего не обнаруживали. По просьбе врача я даже записывал по ночам их кашель на пленку магнитофона, так как днем, особенно в присутствии врача, кашель у них почему-то «не получался».

В 1957 году, в дни пребывания в Красноярске и сдачи кандидатских экзаменов, я познакомился с Юрием Готгольдовичем Горстом и Николаем Васильевичем Лойко – аспирантами математического факультета Красноярского педагогического института. Помню, как по их приглашению первый раз посетил Горста дома. Жили они с Раисой Ивановной и сыном Юриком на частной квартире по улице Ленина. Дверь открыла хозяйка и провела в комнату Горстов. Юра и Коля в фартуках лепили пельмени. Руки и лица в муке. Раи нет. Поздоровались, поговорили о каких-то пустяках, после чего, о чём-то пошептавшись с Колей, Юра попросил меня сходить за пивом в «Голубой Дунай». Объяснив как туда пройти дал мне эмалированное ведро с крышкой и, чему-то усмехаясь, выпроводил за дверь. Я терпеть не мог пива и страшно переживал от одной мысли, что мне придётся просить продавщицу налить

целое ведро этой гадости. Но всё оказалось проще простого. Мне, вернее Юре с Колей, повезло. Когда я подошёл к указанному мне заведению, продавщица только что открыла ларёк и вскоре за мной выстроилась длинная очередь страждущих. В руках у них были бидоны, разных размеров и окраски и трёхлитровые банки в авоськах. На моё ведро, как мне показалось, никто не обратил внимания.

Когда я вернулся, Юра и Коля с недоверием стали нюхать принесённую жидкость. Оказывается, разжиться пивом в то время было трудно, тем более, целым ведром. И послали они меня, мало веря в успех, главным образом из желания посмеяться надо мною. А теперь сомнения мучили их самих, не розыгрыш ли это. Наконец Юра, чтобы разрешить сомнения, обмакнув в ведро палец, осторожно лизнул коричневую пену. Это было пиво, настоящее пиво, целое ведро пива! Они радовались и смеялись, как де-

ти. Прожил я в то лето в Красноярске почти месяц, читая лекции по математическому анализу красноярским заочникам.

С тех пор мы встречались систематически. Приезжая по служебным делам в Красноярск, я неизменно навещал Юру. Долгими вечерами, а иногда и ночи напролёт продолжались наши споры о смысле жизни, педагогической деятельности и политике.

От встречи к встрече мы всё ближе узнавали

друг друга. За годы знакомства, общения и дружбы я смог оценить его математические способности, порядочность, простоту. Был Юра, как и я, родом из немцев Поволжья, переселившихся в Россию при Екатерине II. Его предки по отцовской линии крестьянствовали. Но дед прервал эту линию. Во время военной службы на Кавказе окончил военно-медицинскую школу и всю оставшуюся жизнь работал сельским фельдшером, правда, сочетая эту службу с крестьянским трудом. По тем временам он совершил подвиг: все пятеро его сыновей окончили реальное училище, трое из них получили даже высшее образование, а один из этих троих, Юрин

дядя, стал доктором химических наук - профессором, заслуженным деятелем науки. Юрин отец специализировался по зерновым культурам, защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента. Предками Юры по материнской линии были, как и у меня, прибалтийские и петербургские немцы.

После революции, несмотря на аполитичность, всех его родственников неоднократно подвергали репрессиям, а молодым членам семьи из-за непролетарского происхождения чинили препятствия при поступлении в высшие учебные заведения.

В 1936 году арестовали его единственного брата Володю, который был на пять лет старше Юры, и которого Юра очень любил. Володя погиб в Колымских лагерях в возрасте 22 лет от двухстороннего воспаления лёгких.

В сорок втором Юрину семью, вместе с другими немецкими семьями переселили из родного Камышина в Казахстан, откуда потом Юру забрали в трудармию и направили под Соликамск, совсем недалеко от тех мест, в которых отбывали свой срок и мы с Ниной.

Несмотря на тяжелые условия труда и жестокий голод, Юра выжил, вернулся домой, с отличием окончил Семипалатинский педагогический и поступил в аспирантуру Красноярского педагогического института к Слободскому. В детстве он был вундеркиндом, в семь лет читал то, что нормальные дети читают в двенадцать, потом в школе и вузе – отличником, которому всё давалось необычайно легко.

Обладая многими достоинствами, Юра не был праведником. Он любил жизнь, любил женщин, любил вино, любил играть в преферанс и страдал при отсутствии курева. Однако эти отступления от законов христианской и коммунистической морали не мучили его. И хотя он был типичным русским интеллигентом, копаться в своей душе, особенно прилюдно, не любил и не позволял этого делать другим. Страстно любил книги, прочел их огромное количество. Любил компании, был их душой, мог ночи напролет проводить в разговорах на самые разные темы. Любил розыгрыши и понимал в них толк.

В основе своей был Юра добрым и отзывчивым человеком. Однако мягким он не был. В своих оценках людей и событий был тверд и непреклонен, иногда даже беспощаден, особенно когда подозревал собеседника в корысти, карьеризме или обмане.

Значительно меньше знал я Колю. Был он, безусловно, хорошим математиком, жёстким логиком и честным человеком. Ругал Сталина и партию не менее яростно, чем Юра. Значительно позже

я с удивлением узнал, что до двадцатого съезда и доклада Хрущёва он безоговорочно верил всему, что писали газеты о врагах народа, происках империалистов и строительстве коммунизма, боготворил Ленина, Сталина, партию.

Юра рассказывал, как при знакомстве с Колей пытался выяснить, почему он в разговорах часто упоминает мать и дядю, но молчит об отце. Коля, помрачнев, ответил, что его отец оказался врагом народа и был арестован в 1937 году. На Юрин вопрос о дальнейшей судьбе его отца, Коля хмуро ответил, что не знает и его это не интересует.

- А как ты вступил в комсомол? - поинтересовался Юра.

- Очень просто. Я сказал, что с отцом ничего общего не имею, – ответил Коля.

Когда же Юра стал говорить о невинно репрессированных, Коля потребовал доказательств. А у Юры их в то время, до разоблачительного доклада Хрущёва, не было. Он мог лишь посеять некоторые сомнения в Колиной душе. Но только сомнения. Слова немца – спецпоселенца, неполноценного гражданина, были для него, как думал Юра, неубедительны. Но когда аналогичные утверждения он услышал от коллег, аспирантов-философов, Коля призадумался. Я видел, вспоминал Юра, что он мечется, мучается, что для него рушилось такое привычное и удобное мировоззрение.

Но сомнения, вызванные у него подобными разговорами, продолжались недолго. После публикации «Секретного доклада» Хрущёва, Коля заявил:

- Столько лет меня партия дурила, а я-то, осёл, ей искренне верил. Ну, хватит, больше меня не обманут.

И с тех пор Коля, по мнению Юры, возненавидел партию больше, чем сам Юра.

В своём негативном отношении к личности Сталина мы были едины, и поэтому этот вопрос не мог быть объектом содержательных споров. Другое дело, деятельность Никиты Сергеевича Хрущёва на посту первого секретаря партии. Лично мне, да и Юре тоже, многое в начальном периоде деятельности Хрущёва нравилось. Нравилась начатая им десталинизация, пусть половинчатая и непоследовательная, она всё же вселяла надежду на то, что партия, в конце концов, откажется от рабского труда, насилия и крови. Нравилось стремление Хрущёва общаться с народом через голову партийного аппарата. Нравилось и то, что, пусть изредка и каждый раз по личному разрешению Хрущёва, стали издаваться

произведения, публикация которых во времена Сталина была немислима.

Однако со временем наши оценки его поступков и самой личности стали меняться. Настораживала половинчатость и непоследовательность всех начинаний. Не нравилось, что всю вину за кровавый террор он возлагал на Сталина и его политическую полицию, как будто бы партия в лице её членов не одобряла, не поддерживала все его начинания. Не нравилось отношение Хрущёва к литераторам, его стремление сохранить все ограничения, вытекающие из принципа «партийности» литературы. Возмутило отстранение Твардовского от руководства «Новым миром» и разнужданная травля Пастернака.

Много споров вызывала проводимая Хрущевым экономическая политика. Мы расходились в оценке роли и возможностей совнархозов, стремления децентрализовать экономику, заменить вертикальные связи горизонтальными, предоставить предприятиям больше самостоятельности. Лично я поддерживал эти начинания, ибо они соответствовали моему пониманию хозяйственного расчета. Юра и особенно Коля – возражали, считая, что все проблемы экономического развития страны будут решены с внедрением в управление страной ЭВМ. Споры спорами, но экономическое положение страны не улучшалось. Хрущеву не удавалось поднять экономику страны, преодолеть, или хотя бы притормозить неуклонный рост дефицита товаров. Ставка на кукурузу, как основное средство подъёма сельского хозяйства, явно не давала ожидаемого эффекта, и лишь порождала серию частушек, явление смертельно опасное при Сталине. Фантастическим казался выдвинутый Хрущевым лозунг: «Догнать и перегнать Америку!». В народе зло шутили: «Догнать Америку можно, но перегонять нельзя, – голый зад будет виден».

Несмотря на неудачи в экономической политике, которые я склонен был объяснять необходимостью маневрировать в сложной политической обстановке тех лет, мне этот период казался необычайно интересным, полным радужных перспектив. Незаметно для себя я втянулся в общественную деятельность, прежде всего по линии общества «Знание». Началась она вскоре после запуска 4 октября 1957 года первого искусственного спутника Земли. Не один десяток лекций о принципах запуска и полёта искусственных спутников, работах Циолковского, перспективах развития астронавтики и возможности жизни в космосе прочёл я перед коллективами предприятий и организаций города, учениками и студентами, а так же в городском доме культуры.

Большой интерес всех слоёв населения к этой теме подстёгивал меня. Свои лекции я сопровождал опытами, разъясняющими смысл реактивного движения, мастерил простейшие модели ракет, которые, во избежание возможных осложнений, запускал по проволоке, натянутой под потолком аудитории. Длинная тонкая трубка, набитая смесью пороха и угля, подвешенная двумя кольцами на проволоку, извергая огонь, искры и дым, набирая скорость, скользила над головами слушателей. По заказу редакции опубликовал в газете «Енисейская правда» несколько статей о Циолковском.

Много времени и энергии тратил я на подготовку и проведение политинформаций в курируемой мною учебной группе. Готовя материал о событиях на Кубе, в Конго, в Индонезии, подбирал диапозитивы с видами страны, пластинки с записями народной музыки, стихотворения.

По просьбе руководства Енисейского леспромхоза выступал с лекциями о возможных в новых условиях формах хозрасчёта в лесной и деревообрабатывающей промышленности. В центральных ремонтных мастерских вёл семинар по сетевому планированию.

В конце пятидесятых нам с Ниной удалось восстановить утраченные после освобождения связи с большинством из наших лагерных друзей. Оля после окончания ссылки и разрыва с Ефимчиком, отлежав в больницах Караганды около трёх лет, в 1958 году уехала в Ростов к матери и своим многочисленным сёстрам. Письма от неё шли регулярно, и мы были в курсе всех её проблем. Муся, вышедшая в Караганде замуж за такого же, как и она ссыльного, Владимира Яковлевича Мейтина, жила с ним и двумя детьми в Маклаково, всего в сорока километрах от Енисейска. Теперь мы часто навещали друг друга. Её сын Вова был одних лет с Валерой, а дочь Ирина одних лет с Ромой. Ефимчик уехал к своим родителям на Украину. Вася Шиндин после освобождения приезжал к нам в Енисейск и некоторое время по моей рекомендации работал старшим бухгалтером одного из леспромхозов треста, но за любовь к спиртному был уволен и, после снятия тридцать восьмого пункта паспортного ограничения, вернулся к семье в Ленинград.

Узнав от Ольги, что в Канском районе живёт Давид Андреевич Руди, я решил его навестить. Такая возможность появилась в одну из моих поездок, связанных с набором абитуриентов. И вот я иду по указанной кем-то из жителей Канска дороге. Вокруг поля, уже вспаханные под зябь. Вдоль дороги телеграфные столбы и ни одного строения до самого горизонта. Низкие тучи, пронизывающий

осенний ветер. И вдруг замечаю, что вдали, навстречу мне движется одинокая мужская фигура. Что-то знакомое было в ней. Мелькает мысль «Не Давид ли это?». Но тут же отгоняю её, слишком это маловероятно. Однако это был действительно Давид. Об-

нялис
прав
лик г
чтоб
Пони
терял
Кара
внук,
-
нул.
Г
зал,
Расс
реби
начал
приве
Ната
быть

з, на-
. Сто-
ожно,
агере.
ле по-
герей
ючь и
дрог-
эска-
агерь.
не пе-
гда я
едать
отцом
ог бы

г. Енисейск, 1958 г.

Н В центре бабушка с Наташей, слева Витя с Верой, Сашей и Женей, справа я с Ниной, Валерой и Ромой. Нетить
нас, с ам не
мог понять свой поступок, тем более объяснить его.

Летом 1958 года к нам в Енисейск приезжали Витя с Верой и ребятами: Сашей и Женей. Нина была бесконечно рада и при каждом удобном случае обнимала своего братишку, который из нескладного юноши, каким его помнила Нина, превратился в бравого танкиста, очень импозантного в своей офицерской форме. Вера ревновала, и Витя был вынужден просить Нину не проявлять так бурно свою радость. О том злосчастном письме, доставившем Нине столько огорчений, естественно, никто не вспоминал.

После их отъезда, в самом конце июля, пользуясь правом на бесплатный проезд к месту отдыха и обратно, который в соответствии с договором предоставлялся нам каждые три года, ездили в Ростов к Ляле. Там в это время гостила Эрночка, так что мы наконец-то смогли какое-то время, как в молодости, побыть вместе: Эрночка, Ляля и я. Какое это было великолепное время. Память о нём сохранилась в многочисленных фотографиях. К сожалению, оно быстро закончилось, Эрночка уехала домой в Здвинск.

Здесь не могу не рассказать о событии, которое ярко характеризует наше с Ниной отношение к коммерции. Вскоре после поездки в Отрадовку оттуда в Ростов для продажи на рынке колхозных арбузов приехал Фёдор Васильевич, друг её отца и попросил Нину продать два десятка забитых и общипанных кур с его личного подсобного хозяйства.

- Да смотри, не продешеви. Я уже был на рынке, интересовался: такие как у меня куры идут по тридцать пять рублей за штуку, – заявил Фёдор Васильевич и передал Нине чемодан с курами и всё необходимое для торговли справки.

Нина была в шоке. Вся её комсомольская совесть противилась этой акции. Я в этом деле тоже был плохим помощником, но уже по другой причине, из-за своего интеллигентского чистоплюйства. Умом я понимал, если мы не стыдимся ходить на рынок и покупать продукты, то почему продающим должно быть стыдно их продавать. Но преодолеть своё предубеждение не мог. Единственное, на что я согласился, так это постоять рядом.

- Только буду делать вид, что тебя не знаю и никакого отношения к курам не имею, – заявил я решительно.

Ростов 1958. Ляля, я и Эрночка.

Выручил Игорёк. Рано утром, до работы, отвёз нас с Ниной на центральный рынок, до которого было всего шесть трамвайных остановок, оплатил прилавок, халат и весы, и даже продал двух кур. Продал и ушёл на работу. Мы, а вернее Нина, осталась один на один с покупателями.

Первую в своей жизни курицу она продала по назначенной Фёдором Васильевичем цене. Но уже вторая покупательница стала

просить уступить за двадцать пять (цену называю условную, так как настоящую не помню). Говорила, что курица ей нужна, чтобы сварить бульон тяжело больному сыну, а денег у неё не хватает. Нина, помня обо всём, что пришлось ей пережить во время болезни Ромы, естественно, уступила. Уверен, что она вообще была готова отдать курицу бесплатно. Но тут возмутилась очередь.

- У нас тоже больные дети и тоже мало денег!

Нина, ошеломлённая такой реакцией, повернулась ко мне, ища поддержки.

- Продавай по двадцать пять, разницу доложим, - шепнул я.

Кур расхватили моментально и уже через час мы вернулись домой. Но нам не повезло. Дома, за столом, попивая чай, сидел Фёдор Васильевич. Подозрительно посмотрев на Нину, он спросил:

- Как, уже? Ты, конечно, продешевила. Я так и думал. Разве городские на что-нибудь годятся!

- Да нет, Фёдор Васильевич, мы продали по тридцать пять, как Вы и велели, - бодро соврала Нина.

- По тридцать пять, по тридцать пять, – передразнил её Фёдор Васильевич, – Значит, надо было продавать по сорок. Как была непутёвая, только со своими комсомольцами болтать, так и осталась, - продолжал ворчать Фёдор Васильевич.

На море в тот год мы не поехали. Отдыхали на Дону. Сопровождаемые Танюшей, уезжали катером на левый берег Дона, в тень дубовых рощ. Там были неплохие песчаные пляжи, но вода была мутная, совсем не такая, как в Енисее.

Много переживаний доставляла нам бестактность людей. Дома к Роминой худобе мы уже как-то привыкли. Но здесь, на пляже, на фоне упитанных, иногда даже чересчур упитанных, детей он вызывал неизменное любопытство отдыхающих. Дородные мамы допытывались у Нины, почему она морит своего ребёнка. Как на грех Рома подружился с мальчиком, страдающим чрезмерной полнотой. Вместе они составляли гротескную группу, на которую все обращали внимание. То и дело слышались возгласы:

- Посмотри, посмотри на этих мальчиков, вон там, на берегу у самой воды. Какой худой, прямо из Освенцима. Таких родителей судить надо.

Слушать всё это было больно, и мы по возможности старались уединиться. Рому же, Валеру и Наташу, которой было уже три года, тянуло к детям. Как бы то ни было, отдохнули мы в тот год неплохо. Пропитанные воздухом и солнцем, вернулись мы в Енисейск.

В 1960 году произошло ряд событий, существенно изменивших общественный климат в институте. Все началось с того, что по окончании очередного пятилетнего срока пребывания на посту ректора уволился Иван Агапеевич Киселев, переехавший в Новомосковск. Все ожидали, что на должность ректора назначат Василия Ивановича Яцеева, имевшего для этого все данные: коммунист, фронтовик, кандидат наук, доцент, прекрасно знающий вузовскую работу. Но ожидаемое не произошло. Крайком партии прислал в Енисейск на должность ректора Демко Николая Ивановича, доцента кафедры философии Красноярского педагогического института. Что лежало в основе такого решения я не знаю до сих пор. Говорят, что у него были непростые отношения то ли с райкомом, то ли с горкомом партии. Учитывая жесткость его характера и высокую принципиальность этому нетрудно поверить.

Коллектив института с глухим неудовольствием встретил решение Крайкома партии, и насколько я понимаю, Николаю Ивановичу Демко на первых порах приходилось нелегко. Я же, бывший в силу своего положения далеко от этой закулисной борьбы, чувствовал, что в коллективе происходит обычная в таких случаях, перегруппировка сил и зон влияния.

Вскоре сменился и проректор по учебной и научной работе. Вместо давно и тяжело болевшего Николая Дмитриевича Вшивцева был назначен очень общительный и сравнительно молодой кандидат педагогических наук Дмитрий Галактионович Жолудев.

Меня эти изменения в руководстве института, взбудоражившие весь коллектив, не очень волновали. Куда более важным и запомнившимся было то, что в конце 1960 года было, наконец, завершено, начатое ещё при Иване Агапеевиче, строительство двухэтажного, сложенного из бруса, восьмиквартирного дома для преподавателей. Нашей семье в нём выделили трёхкомнатную квартиру на первом этаже. И хотя в ней, как и во всех других домах Енисейска было печное отопление и никаких удобств, ни туалета, ни ванны, ни даже водопровода, жилось нам в ней хорошо, и, что особенно радовало, квартира была сухой и теплой.

В отличие от жильцов многоквартирных домов Красноярска, редко когда знакомых с соседями, живущими с ними на одной лестничной площадке, мы все были знакомы друг с другом, а дети наши активно взаимодействовали: дружили, ссорились и снова мирились.

В нашей половине дома на первом этаже жил преподаватель кафедры физики Виталий Владимирович Башуров с женой. Были они лет на десять старше нас, и откровенно симпатизировали Ни-

не, особенно Виталий Владимирович. При каждом удобном случае, не дожидаясь первого апреля, он разыгрывал её и вёл особый счёт удавшимся розыгрышам. То, представившись монтером, грозил отрезать провода, якобы за неуплату, то, как представитель телефонной сети предупреждал, что если мы не внесём абонентную плату, то нас отключат от городской сети, то от лица торговой инспекции, требовал уплаты налога за место на рынке.

Нина, не узнав его голоса, который он умел мастерски менять, нервничала, доказывая, что сама лично производила оплату, рылась в своей сумочке и шкатулках в поисках злополучной квитанции, что бы назвать её номер, и, не находя, ещё больше нервничала. Особенно возмутил её звонок из мнимой торговой инспекции. Она долго и возбуждённо кричала в телефонную трубку, доказывая, что ничего общего с рыночными спекулянтами не имеет, что за всю свою жизнь не продала ни одной морковки, ни одной пуговицы.

Дождавшись кульминационного момента, Виталий Владимирович своим, уже не искажённым голосом сообщал в трубку:

- Привет Нинуха! Итак, счёт стал 13:0 в мою пользу. Да, чуть не забыл, Елизавета Ивановна приглашает тебя отведать только что испечённого пирога.

Над нами жила Зинаида Васильевна Стефанская с мужем и двумя сыновьями: Андреем и Олегом. В институте она преподавала философию и атеизм и усиленно занималась проблемами сектантского движения в православии.

Во второй половине дома, через стенку с нами жил сначала Яцеев Василий Иванович с женой и дочкой Лидой, а после их переезда в Пермь, старший преподаватель кафедры математики Олег Григорьевич Широколов с женой и тремя детьми: Борисом, который был ровесником Валеры и учился с ним в одном классе, Женей, ровесницей Ромы и Наташей, которая была одних лет с нашей Наташей. Обладал Олег Григорьевич исключительным музыкальным слухом, играл превосходно, без всяких нот, легко улавливая мелодию. Играл с равным успехом на всех доступных ему в тех условиях музыкальных инструментах: пианино, аккордеоне, баяне, гитаре, балалайке. Без него не обходилась ни одна вечеринка, тем более что, выпивая не меньше других, он никогда не пьянел, а его игра становилась от этого только лучше.

Над Широколовыми жили Ждановы: Мария Михайловна - преподавательница английского языка, её муж Владимир Сергеевич – преподаватель физической культуры и две дочери: Люся и Света. Перечисляя состав их семьи, я не случайно начал с Марии

Михайловны. Именно она, как мне казалось, формировала духовный и нравственный облик семьи, весь характерный для неё внешний антураж. Её влияние на окружающих выходило далеко за пределы семьи. Она была инициатором большинства проводимых в нашем доме вечеринок, умела их красиво оформить и провести. Квартира её была со вкусом обставлена, стол красиво сервирован, вина хорошо подобраны, еда вкусно приготовлена. Миниатюрная, хорошо сложенная, всегда модно одетая и весёлая, она невольно привлекала к себе многих членов нашего коллектива. Владимир Сергеевич, в отличие от своей жены, был флегматичным человеком, что плохо вязалось с его профессией. По утрам он частенько приходил к нам, садился на низенькую скамеечку перед открытой

Мы в институтском садике

дверцей топящейся печки, выкурил папиросу и молча уходил.

Сплочению жильцов дома содействовали не столько совместная работа в институте, сколько совместные огородные работы, походы в лес за грибами, рыбалка и особенно застолья, которыми, как правило, заканчивались такие мероприятия. Содействовали этому и коллективные встречи праздников, особенно нового года, организаторами которых чаще всего была Мария Михайловна Жданова.

Мы с Ниной довольно часто принимали участие в проводимых у Ждановых вечеринках. Они нравились мне, особенно в начальной фазе, пока ещё не испачкана, не помята пахнущая свежестью скатерть, не разрушен строгий рисунок сервировки, чиста посуда, прозрачен и звонок хрусталь. Нравилась приглушённая музыка, тихий непринуждённый разговор, улыбчивые, доброжелательные лица. Нравилась хозяйка и её молчаливый супруг.

С сожалением наблюдал я как потом, шаг за шагом, тост за тостом, распадалась вся эта гармония. Разрушались замысловато украшенные горки разноцветных салатов, мозаика из тонких кружочков колбасы, пластиков корейки, сыра, хитрая многослойность любимой мною «селёдки под шубой». По мере того, как снижался уровень содержимого в бутылках, графинах и графинчиках, поднимался тонус вечеринки. Музыка становилась громче, разговоры и реплики острее. Танцы, сначала коллективные и организованные, постепенно распадалась и становились уделом любителей. Одни сидели за столом, продолжая обсуждать волнующие их проблемы, другие в соседней комнате, приглушив свет, медленно топтались в танце, третьи, расслабившись, отдыхали в креслах или, толпясь на лестничной площадке, курили.

Сам я не умел, вернее, боялся веселиться. Мне всегда казалось, что за этим последует какое-нибудь несчастье, естественно, прежде всего, с моими детьми. По настоящему счастливым я бывал только тогда, когда дети были рядом со мной. Однако смотреть, как веселятся другие и особенно Нина, любил.

Моё поведение на таких вечеринках было совсем не компанейским: я демонстративно отказывался от самых лёгких и невинных вин, не произносил тостов, был умерен в еде, не пел вместе со всеми застольные песни, не участвовал в танцах, хотя, если бы умел танцевать, то, наверное, всю вечеринку только этим, и занимался бы.

Первое время наши новые знакомые с подозрением относились к моему категорическому отказу пить вино. Помню, как, придя в один из праздничных дней к Яцеевым, я отказался выпить штрафную рюмку водки. Василий Иванович, уже находившийся в соответствующем празднику состоянии, в сердцах выкрикнул:

- Не пойму тебя, ты немец или еврей!

Проявляемая мною отчуждённость и замкнутость, в основе которой лежали многочисленные, свойственные мне комплексы, в частности боязнь показаться смешным, сглаживались Ниной. За последние годы она резко изменилась. Из робкой, запуганной и молчаливой девушки с печальными серыми глазами, преврати-

лась в довольно бойкую и весёлую женщину. Её открытость к общению и радости были естественными и непринуждёнными, соответствующими её изначальной сущности и комсомольскому прошлому. Это превращение смущало, а отчасти даже огорчало меня, ибо мне был ближе образ печальной блоковской незнакомки.

Нина не отличалась красотой и фигура её была не безупречна, но все мужчины нашей компании относились к ней хорошо, иногда даже чрезмерно хорошо, и если бы я не был уверен в её чувстве ко мне, то, наверное, сильно ревновал. Особенно нравились им её танцы, в которых Нина знала толк, и готова была танцевать часами. Пела же намного хуже, если это вообще можно было назвать пением, понимала это и всё же всегда готова была принять участие в застольном пении. Она никогда не злоупотребляла вином, хотя выпить бокал шампанского или рюмку сухого вина не отказывалась. Моё упорное нежелание поддержать компанию осуждала, уговаривая хотя бы для вида подносить рюмку к губам. Но я упорствовал, и со временем к этому привыкли, и ко мне больше не приставали. Хуже было с другим. Мужчин раздражало то, что их жёны постоянно приводили меня в пример: «Не пьёт, не курит, любит жену, делает всё по дому и нянчится с детьми». Это они прощали мне с трудом.

Единение и взаимовыручка выражалась не только в праздничных застольях. Её мы ощущали и в минуты опасности и несчастий. Никогда не забуду поддержку, которую оказали нам соседи, когда Наташа чуть было не лишилась языка.

Хорошо помню тот тёплый весенний день. Я читал лекцию по теории функций действительного переменного. Открылась дверь, и Олег Григорьевич крикнул:

- Бегите быстрее в больницу, Наташе плохо.

Не помню, как сбежал по лестнице, как бежал по улице, натываясь на людей. Впереди Нина, с Наташей на руках, за ней Валерик. Догнал у самых дверей больницы, благо она была совсем близко. И тут увидел кровь. Тоненькой струйкой она текла у Наташи изо рта и, растекаясь по подбородку, капала на пыльную мостовую. Ужас охватил меня. Ноги стали ватными.

- Что случилось? - только и смог вымолвить я.

Нина, ничего не объясняя, потребовала:

- Быстрее в приёмный покой, к хирургу!

И вот мы уже в приёмном покое. Хирург, орудуя шпателем, с трудом разжимает Наташе зубы. Язык перекушен и держится только по краям. Наташу унесли в операционную, и мы остались одни в муках ожидания.

Как рассказала мне потом Нина, Наташа стояла во дворе на скамейке и через окно разговаривала с Ромочкой. И в это время скамейка подвернулась и, падая, Наташа ударилась подбородком о подоконник.

Бедненькая, во мне до сих пор всё сжимается, когда я представляю, как ей иголкой пришивали язык. Несколько первых дней после операции она не разжимала рта, отказываясь принять лекарство, выпить воды. Потом около месяца не произнесла ни слова, а только мычала. В эти длинные, мучительные для нас и, особенно для Наташи, дни, Валерик не отходил от её кровати, читал сказки и был основным посредником между ней и остальным миром, легко расшифровывая её жесты.

В смысле развлечений и забав и детям нашим в те годы жилось, я думаю, тоже не плохо. Огромный общий двор, окаймлённый преподавательскими домами и студенческими общежитиями. Толпа детей, которых все знали и которые знали всех. Перед ними открывались двери любой преподавательской квартиры и любой комнаты студенческого общежития. Заводилами естественно были те, кто постарше: наш Валера, Вова Борисов, Боря Широколов. За ними, заглядывая им в рот и легко поддаваясь на провокации, толпа малышей: Люся и Света Ждановы, Люда Борисова, Рома, Наташа, Наташа Широколобова.

Детям всегда было с кем играть, с кем дружить, с кем ссориться и с кем мириться. Они сообща придумывали маленькие детские «шалости», сообща потом каялись в содеянном. Постоянным объектом их шуток был муж Киры Николаевны Афанасьевой, преподавательницы кафедры русского языка, который часто и сильно пил и в таком состоянии гонялся за малышами. Из-за этого между ним и детворой, которая звала его «Афоней», шла постоянная война. Донимали «Афону» как могли. Одна из «шуток» заключалась в том, что к гвоздю над его окном, а жили Афанасьевы на втором этаже нашего дома, привязывали нитку с утяжелённым спичечным коробком. Другая нитка от коробка тянулась к сараям, где прятались дети. По сигналу фонарика, нитку дергали, и коробок стучал по стеклу. В то же мгновение Люда Борисова звонила «Афоне» по телефону и замогильным голосом сообщала, что это смерть принесла ему выпить.

«Война» с Афанасьевым закончилась неприятностью. Однажды зимой, решив отвадить непрошенных собирателей бутылок, детвора нарядила чучело, и поставила его у сараев. Случайно оно оказалось как раз напротив окна «Афонии». Однако вечером сильный ветер уронил «стража порядка». Афанасьев, найдя-

шийся в изрядном подпитии, позвонил в милицию и сообщил, что под его окнами лежит труп. Приехавшие с овчаркой милиционеры всполошили ничего не подозревавших жильцов дома, и увезли «Афоню». Потом нам пришлось его выручать.

Клокочущая в детях энергия часто приводила к последствиям, которые совсем не входили в их планы. Во дворе за невысокой оградкой было нечто вроде садика. Зимой жильцы, чистящие тротуар набрасывали туда горы снега. К концу зимы он оседал, его утрамбовывали женщины, развешивавшие бельё. И никто не заметил, что в этих образовавшихся горах снега дети как кроты прорыли ходы и целые “залы”. В тот день у нас шла стирка. Чистое бельё бабушка Оля выносила во двор и развешивала на верёвке, натянутой над снежными сугробами. После одного из таких выходов Нина, удивлённая её задержкой, вышла во двор. Ольги Федотовны нигде не было, но её причитания слышались достаточно явно. Общими усилиями мы с трудом извлекли её из снежного плена, после чего Нина, вооружившись лопатой, хотела разрушить сооружение, но пожалела труд детей, тем более что баба Оля отделалась лёгким испугом.

Но бывали шалости и похуже. Помню, какой переполох поднялся во дворе, когда из одного из дровяников начал валить дым. Оказалось, что малыши в одной из поленниц устроили, что-то вроде печки и развели огонь, что бы сварить еду забредшему во двор несчастному, полуживому котёнку. А в этих дровяниках, стоящих впритык к дому, хранилось около 60 кубометров сухих дров. К счастью такие “шалости” бывали не очень часто. Игры, как правило, были мирными и не столь опасными.

Летом, чтобы хоть немного организовать детей, особенно, младших, родители по очереди, забрав всю ораву, уводили их на природу, чаще всего, на Кемь. Там они купались, жгли костры, собирали цветы. В такие дни в нашем дворе было необычно тихо, и жильцы, особенно те, у кого не было детей, отдыхали от шума и гвалта. Я не отдыхал. Я нервничал, рисуя в своем воображении одну картину страшнее другой. Ведь там была река, хотя не Енисей, но все-таки река, в которой ребенок мог утонуть, а рядом был лес, в котором он мог заблудиться. Был, наконец, костер, через который дети пытались прыгать. Всё таило опасность, и я с трудом находил себе место. Спокоен бывал я только тогда, когда сам сопровождал всю эту компанию.

Большим и важным событием в жизни Енисейцев была ягодная и грибная пора. С её наступлением всё местное население и, прежде всего, женщины, сопровождаемые детьми, вооружившись

ведрами, берестяными коробами или плетеными корзинками устремлялись в лес, благо находился он совсем недалеко от города. Мужчины предпочитали рыбалку и охоту.

Мы с Ниной тоже не избежали увлечения грибами. Вместе с другими преподавателями нашего двора ходили в лес, но из-за отсутствия необходимого опыта, собирали меньше других. Это задевало моё самолюбие, и я делал вид, что поиск грибов меня совсем не привлекает. Нина же отдавалась этому процессу со всей пылкостью души. Я любил смотреть, как радуется она каждому найденному грибу, и поэтому, увидев грибную полянку или пень, облепленный опятами, старался подвести к ним Нину по возможности незаметно, что бы думала, что нашла их без моей помощи.

Уверен, что у Валеры, Ромы и Наташи большинство воспоминаний детства связано именно с этим домом и его жильцами.